

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская

Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Памяти К. А. Тимирязева.
	О международном Пролеткульте.
А. Богданов.	Очерки организационной науки. Ст. 5-ая.
В. Нунанов.	К вопросу об объеме и характере работ Пролеткульта.
В. Полянский.	Самостоятельность или в путях буржуазной культуры.
В. Богданов.	Методы пролетарского творчества.
Т. Невелч.	Англия, как поле пролетарской культуры.
В. Жан-Лейн.	Самостоятельное просвещение рабочих Англии.
В. Фриче.	Алексей Гмырев (рабочий-поэт).
	К созыву 2-ой Всерос. Конф. Пролеткультов.
Хроника.	За границей. Съезды в провинции.
Библиография.	Ф. Меринг. „К. Маркс. История его жизни“.—В. Фриче. „Новейшая европейская литература“.—Н. Станной. „Пролетарий“.—В. Белонерковский. „Смех сквозь слезы“.—В. Тарасов. „Стихотворения“.—Я. Бердников. „Цветы сердца“.—Н. Рыбацкий. „На светлый путь“.—Н. Отсоли. „Стихотворения“.—А. Кузнецов. „Стихотворения“.—Н. Квязов. „Первая книга стихов“.—„Культура“ Журнал.

№ 15 — 16.

Апрель — июль 1920 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.

„Кузница“. Орган пролетарских писателей. № 1. Май, 1920 г. Издание Литерат. Отдела Наркомпроса. Москва. 26 стр. Цена 15 руб.

Кузница пролетарской поэзии... Группа ее устроителей в редакционном заявлении характеризует свою задачу скромно. Создать оригинальную пролетарскую поэзию в настоящее время она считает невозможным или непосильным для себя. Но она надеется „набить руку в высших организационных технических приемах и методах поэтического мастерства“, и уже тогда — но только тогда, не ранее — пролетарские мысли и чувства „вковывать в оригинальные поэтические формы, создать оригинальную пролетарскую поэзию“ (стр. 2). Журнал, следовательно, не только студийный, но еще уже, технически-студийный, „руконабивочный“, придерживаясь терминов этого предисловия. Вот рамки, заранее связывающие критику: судить она должна ведь с точки зрения поставленных задач, не далее... Правду сказать, простор не особенно большой.

Рецензент „Коммунистич. Труда“, разбирая два взаимно посвященных стихотворения В Александровского и М. Герасимова („В пути“), нашел в одном из них „обывательско-меньшевистское“ мироощущение, в другом — „активно-творческое большевистское“ мироощущение („Коммунист. Труд“, № 52, 1920). Как видим, рецензент был неправ, вышел из положенных ему границ: в „руконабивочном“ или „высшем техническом“ смысле об этом толковать не приходится: один практикуется на одном, другой — на другом, не все ли равно? И мы тоже были бы неправы, если бы, напр., отметили, что стихотворение Н. Полетаева, идущего „по полям, в родимое село“ и стремящегося „по холодку скорей туда“ добраться — и по идее, и по образам всецело народническое: еще не „набили руку“, еще рано „вковывать пролетарские мысли и чувства в оригинальную пролетарскую поэзию“.

Предположим, мы высказали бы опасение, что Клюев с Есениным предъявляет часть авторских прав на стихотворение тов. Обрядовича „Рабочая“, — наибольшая доля его образов и выражений оправдывали бы такую претензию: там и „Жар-Птица“, которая „мир накрыла пылающим крылом“, и упоминания о „распятом на кресте“, и „черноземная ладонь края“, и т. п. Но и такое опасение редакция „Кузницы“ легко отстранит: ведь „оригинальной пролетарской поэзии“ пока еще не полагается, это просто — усвоение „высшей техники“ крестьянских поэтов...

Значит, что же нам остается? Разбирать, каковы „достижения“ в этой „высшей технике“? К сожалению, нога не блестящая.

Вот стихотворение М. Герасимова „В пути“. Оно начинается так:

Глаза горящие не вышьют
Могильно-синие снега,
Пусть старый мир голодной вышью
Визгливо вьюжится в ногах...

Вот они, высшие достижения: есть и рифма-модерн («вышьют — вышью»), и звучная аллитерация (целых пять в: «вышью визгливо

вьюжится в ногах»). Но... сколько недоуменных вопросов! Во-первых, кто кого «не выпьет», глаза ли — снегов, или совсем напротив? Во-вторых, где водится выпь, которая «визглива»? Это птица с необыкновенно низким и глухим голосом. Затем, как она, в единственном числе, может «вьюжиться»? Вьюжиться могут массы снежинок, пуху, перьев, сухих листьев, пыли, пожалуй, каких угодно предметов, захваченных вихревым движением в большом количестве. Пусть даже «старый мир», как собрание разных элементов, способен «вьюжиться», но в образе единой выпяи...

Какая же это «высшая техника», которая достигает пятерной аллитерации, жертвуя и живым образом и смыслом?

Или вот, из других стихотворенной сборника:

...Взлетайте стружки выше
От солнечных ресниц.

Ресницы, как орудие для строгания! Разве это стройный образ, когда и понять-то его сколько-нибудь можно лишь после того, как вместо слова «ресницы» подставим «лучи»?

Несется и трясет гроза
Зевоту Будды, Браммы и Шамана.

Гроза трясет зевоту... И троица совершенно «диспаратная», неслаженная: два могучих бога рядом со скромным, кривляющимся знахарем, и т. д.

Единственный прозаический рассказ „Марсель“, М. Герасимова. И тот технически плох.

„—Думал, не придешь. Марсель, вон какой веселый зюд-вест разыгрался,— дружески сказал он.

„—Если бы он превратился в безумный самум Сахары, я и то была бы здесь,— возразила она коротко, но восторженно“.

Во-первых, это не коротко, а длинно. „Мне и самум не помешал бы“—второе короче. Во-вторых, это не восторженно, а напыщенно.

„—Товарищи, наступает час великих дерзаний для всемирного труда!—с подъемом начала Марсель“.

Это не „высшая“, а наивная техника—сообщать, что героиня говорила „с подъемом“, вместо того, чтобы *показать* это...

Да стоит ли, собственно, толковать о подобных мелочах?—скажет читатель. Ну, сами говорят, что ученики учатся „высшей технике“,—понятно, что им надо будет еще очень долго учиться, пока хоть сколько-нибудь овладеют ею. Нам было бы интереснее другое: должны же они выражать, хотя бы несовершенно, то новое, что пролетариат вносит в жизнь, его мироотношение, мирочувствование, пути его миростроительства.

Да, в сущности, критика не обязана держаться в рамках ремесленно-технической программы, которую выдвинула редакция „Кувшины“; мы можем критиковать и эту программу, предъявлять и иные требования. Но обойти ее мы не могли, особенно потому, что авторы сборника обнаруживают значительные иллюзии насчет успешности ее выполнения. В критической статье одного

из них о другом, последний характеризуется, как „поэт, который сумел соединить в своих произведениях все богатство техники отмирающей буржуазной культуры и пролетарское чувство коллективного труда“, не как „новичок в мире искусства“, а как „сознающий свою силу властелин“... В подтверждение приводятся две строфы, которые заканчиваются стихом:

„Звенящий высеки гранит“,—стоящим на уровне отнюдь не высшей, а скорее державинской „техники“.

Нет, задача, поставленная редакцией сборника, хотя и не очень возвышенная, тем не менее, весьма не легка именно для пролетарских поэтов; настолько же нелегка, насколько бесплодна. И мы имеем основания думать, что она, отвлекая и поглощая силы молодых авторов, плохо отозвалась на содержании их работы. Содержание бедное. Прославление революции, гимны коллективному труду, картины завода,—все это вещи, конечно, хорошие, и все это есть в полутора десятиках стихотворений сборника; но, если не считать явных отклонений в сторону народничества, все это держится в прежних формах, в давно наметившихся рамках. Не видно расширения кругозора, не чувствуется развития.

И уже есть признаки зарождения кружковщины. Один начинающий поэт пишет, под видом критической статьи, панегирик другому, третий—четвертому; прямой путь к самообольщению, сужению опыта, к остановке.

Товарищи, не тем надо заниматься! Никто не требует от пролетарских поэтов „высшей буржуазной техники“; она вам и не к лицу,—как манеры и костюм лондонского донди (тоже ведь „высшая техника“ буржуазного быта) не пристани рабочему-социалисту. Надо учиться, учиться широко и глубоко, а не „набивать руку“ в хитрых рифмах и аллитерациях.

Вы говорите, что еще нет оригинальной пролетарской поэзии, вы ставите ее в зависимость от усвоения „высшей“ буржуазно-поэтической техники. Вы слишком низко ее цените, товарищи, и плохо знаете, где ее искать. Ее мало пока в форме стихов и прозы; но ею полна жизнь пролетариата, полна мысль революционного социализма. Ищите больше и лучше. Вы думаете, мало ее в чистоте и ясности товарищеских отношений, в стройности и сплоченности рабочих организаций, в революционно-научной критике Маркса и в его социально-философском творчестве? И если вы сами—живые частички растущей коллективной души пролетариата, если умеете видеть его глазами, чувствовать его сердцем, то через творческое восприятие вы найдете эту поэзию во всей природе, и во всем великом, что создано усилиями человечества, трудом и научным познанием и художественным отображением мира. Тогда у вас будет, что сказать, и само собою найдетесь, как сказать

А. Богданов.